

Невеста Кощея

Автор:

Татьяна Коростышевская

Невеста Кощея

Татьяна Георгиевна Коростышевская

Владычица ветра #2

Даже если ты внучка бабы Яги, угодив в Волчью долину, будь осторожна. Не ходи по лесу в красной шапочке, не угощайся яблоками у моложавых старух, не целуйся с незнакомцами. За последствия отвечаешь сама. Потому что в этой сказке чем дальше, тем страшнее!

Татьяна Коростышевская

Невеста Кощея

Пролог

О благородных спасителях, народных сказителях и конце света

Из лоскутков можно сшить одеяло.

Цыганская пословица

Никто толком не заметил, как и откуда появился в деревне этот человек. Уже потом, перешептываясь и тайком складывая обережные знаки, рассказывали

мужики, что-де нашли охотники за околлицей лисьи следы, которые прямо у частокола превратились в человечьи. Бабы же клялись, что видели, как прилетел незнакомец верхом на черном коте, подгоняя того огненной семихвостой плеткой. Но все это было после. А сейчас деревенские, плотно набившиеся в трактирный зал, замороженно слушали бродячего сказителя, незрячего старца, который, подыгрывая себе на гусях, неспешно вел рассказ о делах любопытных, страшных, таинственных.

– Как во Рутенском славном княжестве, да во селище Мохнатовка...

Это была молва, это было очень приятно. Интерес к перипетиям истории подогревало и то, что дело-то было не так чтоб очень давнее, да вот буквально в том високосе все и произошло. И было оно так.

Жила-поживала в их окраинной деревеньке, под крылышком Бабы Яги, девушка-простушка по имени Лутоня. И ведьмой она, конечно, была, с такой бабушкой иначе не бывает, только вот ведьмой несильной. Так, по мелочи могла что-то сотворить: заговор какой на удачу бормотнуть или травками болящего подлечить. А в один прекрасный зимний день пришла беда откуда не ждали: призвала Лутонюшка ветер. И не это-то бедой было. Подумаешь, эка невидаль – стихийный маг. Вон, сказывают, в соседней Полпудовке, лет эдак с десятка тому, огневик пошалил. Вот это было горе горькое для местных – десять дворов подчистую спалил, а сам сбежал, пока односельчане за дреколье схватиться не успели. А тут, в Мохнатовке, всего-то и делов, что посрывало вихрем пару-тройку крыш. Так быстро же все починили. Да и Яга всем отступного дала за каждую поломку. Казалось, чего уж там – живи да радуйся, да вот только вещуны Лутонюшку заприметили. А про вещунов тех никто толком ничего не знает, только боятся все. Нет, конечно, и десятину в храм справно несут, и поклоны как положено, и уважение всяческое всем трем пресветлым ликам, только... Появились вещуны на земле рутенской будто ниоткуда. Научили людей богу своему трехликому поклоняться, храмов с золочеными куполами понастроили. А сами потихоньку-полегоньку всю исконную рутенскую волшбу под корень извести пытаются. И домовиков-то в славном княжестве совсем не осталось, и лешие попадаться стали уже не в каждом лесу, и мавки, а все тем вещунам мало. В Рутении народ послушный – вслух про это мало кто скажет, а про себя, конечно, подумают, только потом и лишний поклон от греха исполнить не забудут.

Вот отчего никто и не удивился, что Лутоня сбежала с заезжим элорийским студентом, чтоб только к вещунам в лапы не попасть. А что с девкой дальше случилось – про то никто не знал, не ведал, пока не напел про их землячку слепой сказитель.

Варвара захлебнулась криком и открыла глаза. Мутный страшный сон не хотел отпускать. Женщина, кряхтя, поднялась с лавки, на ощупь отыскала связку лучин и разожгла огонь. За оконцем едва брезжил рассвет. Выстуженная за ночь горница наполнилась дрожащими тенями. Варвара не торопилась; туго заплела косу, убрала постель, заварила в котелке душистого хинского зелья. Дело, которое ей предстояло, требовало спокойствия и сосредоточенности.

Когда первые красноватые лучи солнца показались из-за горизонта, ведьма достала из сундука плоское серебряное блюдо и решительно полоснула по руке ножом. Кровь заструилась причудливыми дорожками, следуя лабиринту вязевого узора. Голова начала кружиться, но Варвара терпела. Для исполнения задуманного требовалось, чтоб кровь полностью покрыла поверхность артефакта.

Наконец жидкость застыла, приобрела зеркальный блеск, и ведьма, зажав рану, проговорила заклинание вызова. Гость не заставил себя долго ждать.

– Ты отвлекла меня от размышлений, Ягиня. – Демон прищурился и выпустил из ноздрей дым. – Я был так близок к постижению...

– Ответишь на вопрос, – отрезала Яга, – и продолжишь постигать с того же места.

– Опаньки! – Рыжие брови поползли вверх. – Чего это мы сегодня не в духе?

– Да потому что у кого-то аппетиты день ото дня растут! Скоро и всей крови не хватит тебя вызвать.

– И правильно. – В урчащем голосе демона слышалось удовольствие. – Это чтоб по мелочам меня не тревожили, чтоб только в самом крайнем случае обращались. Ибо Радар могуч, грозен, и его услуги очень-очень дорого стоят!

Ибо...

Больше всего огневолосый круглолицый демон в эту минуту был похож на орущего по весне кота.

- Воистину! – прыснула Варвара, подпортив своим смехом величие момента.

Радар грозно воззрился на собеседницу, будто упрекая в неуместности веселья, надулся, поджав губы куриной гузкой:

- Ну, что стряслось?

- Внучка у меня пропала, – посерьезнела Яга. – Лутонюшка. Разыщешь?

- А сама-то чего? За ниточки дернуть не в состоянии?

- Могла б сама, тебя, потвору[1 - Потвора – чудовище, чудище, кикимора (укр.)], не вызывала бы.

- Значит, дело серьезное...

Демон подпер ладонью подбородок, его глаза, за мгновение до этого пылавшие лукавым огнем, опустели:

- Излагай!

- Я все сказала, – оцетинилась Яга.

- Ну чего ты сразу шипишь? Не могу я по такой куцей вводной девушку найти. Никак концы с концами не сходятся. Слушай! – радостно встрепенулся собеседник. – Может, это не настоящее имя, может, ты ее в целях конспирации как-нибудь по-другому назвала?

- Делать мне больше нечего, только прозвища непотребные внучкам сочинять! – Варвара стукнула кулаком по столу. – Настоящее имя, самое что ни на есть. Знаешь, сколько нитей судьбы я перевела, пока вплела в полотно доли именно

такое простое рутенское имя? Ее же как родители назвали? Упасть – не встать! Лутеция! Чтоб папашке ее ни дна ни покрышки!

– А папа у нас кто? – прервал демон не на шутку разошедшуюся бабку.

Варвара осеклась и отвела взгляд.

– Ну ладно, нечего теперь ломаться. Мне для дела надо. Не просто так...

Варвара молчала.

– Ну я честно-честно ничего никому не скажу.

И в ответ на испытующий взгляд старухи провел пальцами у губ, будто запирая свои уста печатью безмолвия.

Яга думала недолго:

– Поближе придвинься. Я тебе на ухо прошепчу.

И сама склонилась к зеркальной поверхности блюда.

Радару даже на секунду показалось, что сухие старушечьи губы коснулись его подрагивающей от любопытства мочки.

Мэтр Пеньяте носился по своему кабинету, как поднятый на крыло вальдшнеп, взметая подолом мантии тучи пыли.

– Не пуцу! – вопил он, с чисто элорийским темпераментом потрясая кулаками перед лицом барона. – Ни за что! Ни-ког-да! Ни за какие коврижки!

К слову, для того чтоб потрясать именно перед лицом, а не где-то в районе солнечного сплетения, мэтру приходилось вставать на цыпочки или вовсе суетливо подпрыгивать.

Зигфрид старался держаться прямо и не смеяться. При любом напряжении грудной клетки все тело пронзала острая боль.

- Учитель, я должен вернуться. У меня обязательства...

- Прежде всего у тебя обязательства передо мной, перед университетом, перед Элорией, в конце концов. У меня каждый человек на счету! - Мэтр заложил очередной крутой вираж, остановился отдышаться у письменного стола и обессиленно рухнул в кресло. - Об этом ты подумал?

- Тогда отправьте меня на стены, - упрямо проговорил барон.

- Ты слишком слаб после ранения. - Учитель налил вина из кувшина и дрожащей от нервного возбуждения рукой поднес бокал к губам. - Будешь сидеть здесь и...

Кадык мэтра несколько раз дернулся, конец фразы смазался за бульканьем.

Зигфрид понял, что буря миновала, - мэтр Пеньяте выпустил пар и теперь готов к спокойному деловому разговору.

- Я читал твой отчет. - Мэтр зашуршал бумагами. - Тебя направляли в Романию на поиски заклинаний активации боевых големов. Напомни, почему именно туда?

- Следы докса Шамуила - величайшего специалиста в данной области, потерялись в Шегешваре, столице княжества.

Учитель кивнул:

- Ты вышел из перехода в районе Варколара и явился в местную коллегия. Затем...

- Около двух месяцев я посещал все места, где отметился мятежный докс. Ни щедрые денежные вливания, ни шпионская сеть, предоставленная мне коллегией, не принесли результата. Мне ничего не оставалось, как попытаться пройти путь Шамуила от конца к началу в надежде, что мудрейший обронил где-то по дороге крупницы своих знаний.

Пеньяте слушал Зигфрида с таким сосредоточенным вниманием, как будто не читал многостраничных докладов и не допрашивал своего ученика десятки раз перед этим. Барон старался говорить четко и по существу, но присутствие столь благодарного слушателя толкало на театральные эффекты.

– Таким образом я оказался в соседнем княжестве.

Мэтр сверился с записями:

– Рутения. Выход к морю, две судоходных реки. Экспорт зерна и ценных пород дерева. Правитель – князь Славислав, узурпировавший трон во время третьей магической войны при активной поддержке адептов Трехликого. Выгодный династический брак, две дочери...

Барон утвердительно кивал после каждого предложения.

– Со Славиславом мне не довелось пообщаться. Мой путь лежал в провинцию, в деревеньку Мохнатовка, где, по слухам, проживала ваша, мэтр, старинная подруга – донна Варвара Ягг.

– Ты все-таки встретил ее! – ожил Пеньяте, на впалых щеках ректора вспыхнул румянец.

– О да, – широко улыбнулся Зигфрид. – Но сначала я познакомился с ее внучкой...

Радар снова выпустил дым. На этот раз из ушей:

– Да что ты говоришь! Бедная девочка! И который из трех?

– Думаешь, если бы я это знала, была бы сейчас в живых?

Демон прикусил губу.

– И что, никаких мыслей на этот счет у тебя нет?

– Есть, но тебя они не касаются. Ищи давай!

Демон уставился в пространство, беззвучно шевеля губами. Варвара примолкла. Может, зря она так разоткровенничалась с потусторонним существом? Ведь ему понятно, что информация теперь пойдет дальше. Радару, которого она на всякий случай связала клятвой молчания, ничто не помешает обсудить все со своими сородичами... А уж как охочи обитатели Тонкого мира до сплетен, Яга знала не понаслышке. От одного к другому по цепочке, обрастая по дороге кое-какими деталями, когда выдуманными, а когда и почерпнутыми из других источников, новость распространится с неотвратимостью лесного пожара. «И пусть! – решила Яга. – Самая лучшая тайна та, о которой всем известно».

Демон устало потер виски:

– Ничего не получается.

– Теряешь былую легкость? – За бравадой колдуньи скрывалось отчаяние.

– Такое впечатление, что кто-то очень аккуратно и последовательно стер всю информацию о твоей внучке. Понимаешь?

– Без надобности мне в твоих тонкостях разбираться. Я, наверное, зря к тебе обратилась. Поищу кого посильнее. Вот к вечеру восстановлюсь и пущу кровушку. Кто там у вас сейчас в верховных? Ленинел, Топот? Кого посоветуешь?

Радар зло смотрел на Ягу из зазеркалья. Его и без того красноватое лицо приобрело оттенок раскаленной лавы.

– Помрешь ведь, старая, от таких опытов. Не только кровь – жизнь отдашь.

– Мне уж все равно. Я свое пожила. Вот еще бы внучку разыскать, и можно в лучшие миры отправляться. Меня там, на кисельных берегах, уже давно ждут. А тебе позор на все времена будет. Позор и осмеяние. Я же первым делом всем твоим раззвоню, что Радар опростоволосился, не сумел задачу решить.

Варвара протянула руку к артефакту и приготовилась произнести отпускающее слово.

- Подожди! – закричал демон. – Не торопись. Я еще попробую...

- И что мне за мою доброту будет? Какая выгода?

Глаза ведьмы хитро блеснули, но Радар, кажется, ничего не заметил.

- Сможешь меня без кровавых жертвоприношений вызывать! Как тебе такая идея?

- Никак! Вдруг тебе вместо крови слезы невинных дев или пот грифона понадобится? Таких вещей, знаешь ли, не напасешься. Пока найдешь, пока запугаешь... А то вдруг девка потеть станет, а грифон – реветь в три ручья? Короче, не согласная я!

- Ой, так свои же люди – сочтемся, – махнул когтистой рукой демон. – Чего там у вас, как снега зимой? Ну, например... простокваша. Устраивает?

Пока Яга думала, Радар беспокойно ерзал и умильно складывал бровки домиком.

- Пусть будет молоко, – решила наконец ведьма. – А скислить и сам сумеешь, если захочется.

- По рукам! – Глаза демона горели восторгом от выгодной сделки.

Точно такой же азарт прятала от собеседника ушлая колдунья.

Демон размял руки, похрустев костяшками пальцев, встряхнулся, как выбравшийся из речки кобель.

- Ну что ж, приступим. Давай-ка, Ягиня, мне с самого начала о своей родственнице поведай, с самого рождения.

Варвара расслабила плечи, глаза затуманились, то ли от непролитых слез, то ли от воспоминаний.

- Ну, с рождения-то я ее не знала. Я вообще не знала, что моя дочь меня внучкой решила осчастливить.

- Так-так... Тогда, пожалуй, сначала про дочь расскажи. Как ее зовут? Анна?

- Не зовут - звали... - Соленые капли все-таки покатались из разноцветных глаз старой колдуньи. - Анна, Аннушка, Анюта... смелая росла, непокорная. Как тот сухостой - не согнешь, только ломать. Я и не ломала. Как в силушку девка вошла, отправилась науки разные постигать...

Варвара всхлипнула и закрыла лицо руками.

- В Элорию? - Голос демона был полон сочувствия.

- А куда ж еще? Она же у меня ведьма была совсем никудышная. Не по ней ведовская доля оказалась. Мы же себя постичь можем только через бога, а она весь мир под себя переделать хотела.

- И как, получилось?

- Она стихию призвала...

- Какую именно? - Радар выхватил из воздуха потрепанную записную книжку. - Вода, ветер, огонь?

- Ветер. Смешной такой, жженым сахаром пах...

- Так и запишем - стихийница из нее тоже не получилась.

- Не скажи, - цыкнула зубом бабка. - Что от мага требуется? Нити силы видеть да из первоисточника черпать. А тут уж размер ладошек значения не имеет - умение важней.

Воздух спиральями закручивался вокруг тонких щиколоток танцовщиц. Звенели мониста, колыхались шелка, дудели дудки. Доблестное валашское воинство праздновало победу на Златом берегу. Последний город пал на заре. Разрушенная стена замка в великолепии разгорающегося утра выглядела почти непристойно – как беззубая улыбка молоденькой красавицы, как перебитое крыло птицы, как... Дракон прикрыл глаза, подыскивая более удачное сравнение, и хмыкнул. Какая, в сущности, разница? Он взял город без длительной осады, без дорогостоящих метательных машин и даже без решающей битвы, начало которой и должен был ознаменовать мощный взрыв установленной в основании стены бомбы. Влад откинулся на теплый подголовник трона. Бомба! Забавное звукоподражательное словечко пришлось как нельзя кстати. Потому что резко высвобожденная магия делает сначала «бом!», потом «бах!» и разлетается в разные стороны, сметая все на своем пути. Активировать устройство можно мгновенно, а вот изготовить его – долгий и кропотливый труд. Дракон припомнил, сколько своей крови он отдал в обмен на технологию Тонкого мира. Демоны дорожили своими секретами, но устоять перед предложенной жидкостью были не в состоянии. Да кому вообще нужны големы, когда вести войну можно и так?!

Господарь рассеянно подцепил мизинцем ближайшую нить силы, натянул и послал легкий импульс в сторону хорошенькой танцовщицы. Девушка дернулась, сбилась с шага, остановилась, тяжело дыша. Смуглые груди под прозрачным шелком платья напряглись. Музыка, будто почувствовав ее состояние, ускорилась, ритм барабанов стал яростным, настойчивым. В глубине темных глаз плескался ужас. Ее, будто канатом, притягивало к колдуну, с каждым мгновением она становилась на шаг ближе к трону. Дракон, казалось, наслаждался и своей властью, и страхом, который вызывал в несчастной девушке. Как приятно управлять людьми, будучи магом воды. Приятно и легко. Ведь человек большей частью состоит из жидкости. Ну что бы Влад смог сделать, если бы в свое время его призвала другая стихия? Забросал бы окружающих огненными шарами или устроил небольшое землетрясение, или растрепал прозрачные шелка красотки шальным порывом ветра? Ветра... Влад прищелкнул пальцами, отпуская нить силы. Танцовщица упала на мозаичные плиты пола.

– Ты передумал? – Братчик, материализовавшийся у трона, склонился к плечу господаря. – Можно я тогда себе ее заберу?

Дракон резко встал. Музыка смолкла. Пирующие тоже поднялись, проявляя уважение. Влад обвел прощальным взглядом зал и вышел. В спину ему ударил возобновившийся шум праздника и разочарованный всхлип оставленной на полу танцовщицы.

Влад умел ориентироваться в незнакомых помещениях, поэтому повороты внутренних коридоров замка преодолевались быстрым шагом и почти без раздумий.

- Ты распорядился, чтобы мне подготовили комнату?

- Да, там уже вовсю суетятся, - ответил пыхтящий следом братчик. - Думаешь, их каждый день Драконы захватывают? Мажордом небось лично подушки взбивает. Чего еще пожелает мой господарь? Горячую ванну с парой смуглых прелестниц?

- Угу, - хмыкнул Влад, толчком открывая золоченые двустворчатые двери, безошибочно определив свои покои. - Только, прошу тебя, без девок. Мне еще работать надо. И двух ребятушек у входа поставь, чтоб никто под руку не лез.

Прислуги в огромной комнате не наблюдалось. Влад, мельком оценив аляповатую обивку стен и позолоченную мебель, устремился к кровати. Завалившись в постель не раздеваясь - в полном облачении и высоких верховых сапогах, господарь удовлетворенно вздохнул:

- Вот оно, счастье!

- Стариковское у тебя какое-то счастье, - решил Михай, обрушившись рядом. - На эдаком ристалище явно женского полу недостает. Такого, чтоб грудки, плечики, бедрышки...

На потолке опочивальни обнаружилось огромное зеркало, поэтому вожаделенные части тела боярин Димитру обозначал еще и жестами, любуясь на свое отражение.

- Фу, как будто жареного фазана на блюде разделяешь, - зевнул господарь, несколько часов сна ему явно не помешали бы. - Ты же у нас вроде самый

влюбленный кавалер недавно был?

- Чувства в Валахии, - даже не покраснел перевертыш, - а мужские потребности - тут, при мне. Так займешь мне балеринку?

- Да забирай ты кого угодно, кобель неутомимый. Там еще градоначальник дочерей привел.

- Зачем? - растерялся волкодлак.

- Улестить меня старается. Никому не хочется места прибыльного лишаться. Хочешь, хоть всех четверых забирай, только они мелкие еще совсем - старшей лет двенадцать, наверное.

Михай подобрался:

- И чего ты с этим детинцем делать намерен?

- Пороть.

- Девочек?!

- Папашу. Завтра же на центральной площади. За содействие блуду.

- Так он же потом на дочерях отыграется.

- А нет у него больше дочерей. Отдал он их мне, понимаешь? Так что сразу после порки пусть катится на все четыре стороны.

- А ты тем временем...

- А я тем временем назначу им опекуна из местных дворян, а еще лучше опекунский совет под предводительством нового градоначальника. Вот и об этом подумать надо - кого здесь за главного оставить.

Михай кивал рассеянно - нюансы управления его не интересовали.

– Интересно, как там Ленута?

– Ты имеешь в виду Лутоню? – ядовито переспросил Влад. – Чудесно! Треплет бесценные фолианты из моей библиотеки в Араде, строит мелкие пакости приживалкам и учится драться под чутким руководством твоей невестки. Мне иногда кажется, что не нужно было ей память стирать – она бы Трисветлого Ива и без нашей защиты довела бы до белого каления.

– Ёжик кот! – протянул с улыбкой Михай. – Соскучился я по нашей птице-синице...

Дракон молниеносно повернулся и столкнул братчика с кровати:

– Так называть ее могу только я. Напряги фантазию и придумай что-нибудь свое.

Перевертыш резво вскочил и ринулся в бой, вооружившись подушкой.

– Ревнивый деспот! – орал он. – Самодур! Душитель свободы!

Ревнивый деспот отбивался другой подушкой и ржал в полный голос.

В таком виде – разгоряченных шуточной битвой, облепленных перьями и хохочущих, застал братчиков мажордом, заглянувший выяснить, не угодно ли чего страшному колдуну – новому повелителю Златого берега, валашскому князю Владу по прозвищу Дракон.

Настойчивый стук отвлек Варвару от волшбы. Шепнув отпускающее слово, Яга спрятала блюдо и привычным пассом отперла дверь. В горницу ворвался клуб студеного воздуха.

– Хозяйка! Дай водицы испить, а то так есть хочется, что и переночевать негде.

На пороге, страшно вращая слепыми бельмами и постукивая посохом, появился старик. Гусли, закинутые за спину пришельца, жалобно тренькали в такт неуверенным шагам.

– Заходи, добрый человек, – повела носом ведьма. – Водицы дам, у меня ее хоть залейся, с харчем похуже будет, а с ночевкой совсем беда – светлый день на дворе.

Гость скинул у порога зипун и двинулся на ощупь через горницу, зацепившись при этом за табурет и тоненько, по-бабьи, охнув. Ведьма не сделала ни одного встречного движения, ни единой попытки помочь. Наконец старец устроился за столом, переместив гусли на колени.

– Долго я к тебе, Яга, добирался. Через леса дремучие, горы высокие, болота топкие...

– Ну так, может, не стоило напрягаться? Поберегся б лучше, старче. Того и гляди преставишься...

– Про внучку твою хотел расспросить, – не обратив на издевку внимания, продолжал гость. – Слухом земля полнится.

– А тебе для каких дел, мил человек, мои рассказы понадобились?

– Песнь сложить хочу, да такую, чтоб ахнул люд...

Озвучить свои далеко идущие планы гость попросту не успел. Яга хлопнула в ладоши, обрушив с потолка крупноячеистую металлическую сеть, и резким ударом ноги выбила табурет. Старичок рухнул на пол. Гусли отлетели в сторону, выдав предсмертный аккорд, и с хрустом распались в щепы. Яга, успевшая буквально в считанные мгновения активировать с десятков защитных заклинаний и оттого слегка запыхавшаяся, поворошила ногой образовавшуюся кучку мусора, поддев носком изогнутый кривой кинжал.

– И никакой тебе культурности, – задумчиво проговорила ведьма, сверкая грозным взглядом в сторону спеленатого на полу старичка. – По звуку же понятно было, что у тебя в инструменте что-то припрятано.

А потом и вовсе утварила чудное – склонилась над обездвиженным гостем и одной рукой полезла тому в портки. Гуслляр шипел и поносил ведьму последними словами, пока Яга вытаскивала из его штанов длинный рыжий хвост.

– Ну вот и свиделись, лисица, – удовлетворенно проговорила Варвара. – Перекидывайся давай, а то я тебя в один миг отростка твоего колдовского лишу!

Угроза подействовала. Черты слепого сказителя поплыли, как свечной воск.

Зигфрид снял запотевшие очки и потер переносицу. В кабинете ректора было невыносимо жарко.

– Я передал госпоже Ягг ваше сопроводительное письмо, и она согласилась мне помочь. Но в дело вмешались непредвиденные обстоятельства...

– Да, да, – рассеянно перебил мэтр Пеньяте. – Девочка сначала заболела, а потом неожиданно призвала ветер.

– Ее стихия очень сильна, учитель. Мы с донной Варварой решили как можно быстрее переправить Лутоню в Элорию.

– И ты не нашел ничего лучше, чем отправиться в Стольный град, к порталу при нашем посольстве?

– Я тогда не знал, что эмбахата[2 - Эмбахада – посольство (немного искаженное португальское слово).] разрушена. В путешествии у меня не было возможности следить за новостями.

Ректор покраснел:

– Наше влияние в этом регионе ослаблено. Война отнимает все силы, и этим не преминули воспользоваться жрецы воинственного божка-прорицателя...

– Трехликого бога, – кивнул барон. – У них довольно забавный культ. Местные жители водили меня в храм. Подготовь мне отдельный отчет.

– Обязательно. Но мне хотелось бы как можно быстрее вернуться в Рутению. Вы себе не представляете, что это за девочка! Она сумела провести меня по изнанке яви, она вызывает демонов Тонкого мира и дает им имена, она голыми

руками справилась с упырем... Да она одна сможет активировать все наши големские заготовки!

– Впечатляющий список, но... нет. Кроме наших желаний, мой дорогой мальчик, существуют еще долг и судьба. Если твоя подруга так сильна, она рано или поздно сама окажется в Элории. Ты будешь ждать ее здесь.

Мэтр махнул рукой, заканчивая аудиенцию. Зигфрид ощутил неожиданное равнодушие. Разговор, буксующий на одном месте, успел его утомить. Он церемонно поклонился на пороге и, чуть прихрамывая, отправился восвояси.

Грузно спустившись по мраморным ступеням Квадрилиума, маг огня барон Зигфрид фон Кляйнерманн был неожиданно атакован.

– Зиг! Ну сколько можно тебя ждать?

Вихрь, чуть не сбивший с ног огневика, при ближайшем рассмотрении оказался хорошенькой барышней. Донья с черными как ночь волосами, ярким улыбчивым ртом и жгучим взглядом огромных карих глаз постукивала каблучками модных туфелек, закусывала губки и всячески демонстрировала свое нетерпение и неодобрение.

– Я был у ректора, Крессенсия. – Барон заключил девушку в объятия. – Кажется, мне не позволили вернуться за Лутоней.

Красавица нахмурила брови, отстраняясь:

– Может, пусть отец поговорит с мэтром Пеньяте?

– Я не хотел бы раньше времени тревожить твоего батюшку.

– Жаль, мне так хотелось побыстрее познакомиться с твоей... подругой.

– Донья дель Терра, кажется, ревнует?

Шелковый веер щелкнул закрываясь.

- Глупости, дорогой, это совсем не мой уровень. Хотя... Расскажи мне еще раз о ее волшебных способностях изменять внешность.

- И на какую награду может рассчитывать бедный воздыхатель за свое послушание? - в шутливой мольбе сложил руки Зигфрид.

- О, плата тебе понравится, - стрельнула глазами красотка. - Мы сможем обсудить ее во время прогулки.

Барон предложил спутнице руку, и они направились к экипажу. Стерегащие Квадрилиум каменные львы провожали парочку равнодушными взглядами.

Девушка, которая теперь сидела напротив Яги, была та еще штучка.

- Когда ты меня заподозрила? - Она стрельнула раскосыми глазками из-под глянцевого челки и сразу же в притворной скромности опустила очи долу.

- Рутенским духом от тебя шибко пахло, - отрезала ведьма. - Переборщила ты, стало быть, с достоверностью.

Девушка тяжело вздохнула, передернув узкими плечиками, и еще раз попробовала пошевелить связанными за спиной руками.

- На ошибках учатся...

- Ты мне зубы не заговаривай, - пригрозила Яга отобранном кинжалом. - Сказывай, где моя внучка?

- Так ты ее потеряла? - заюлила лиса. - А до меня слухи дошли, что в Мохнатовке у Яги новая владычица ветра подрастает, я и решила разведать, разнюхать, что к чему...

Варвара цыкнула зубом:

- Не хочешь по-хорошему, будем делать как привыкли.

Острие кинжала вошло под кожу, из яремной вены девицы хлынула кровь, стекая в расчетливо подставленное серебряное блюдо.

Радар явился, сыто отдуваясь:

- Отменяем соглашение?

- Еще чего! Просто молока под рукой не нашлось. Срочно ты мне понадобился.

Демон опрокинул еще рюмашку:

- Мм... Что за экзотика? Кого иссушила?

Варвара развернула блюдо:

- Вот ее.

- Ух ты! - Радар хлопнул в ладоши. - Это же Хумэнь - ручная зверушка Трисветлого Ива, главного рутенского вещуна. Потешила ты меня, Ягиня. Хинских лис мне раньше не доводилось пробовать.

И, видя недоумение Варвары, добавил:

- Раса такая есть, древняя очень: лисицы-перевертыши... В смысле была. Их уже, наверное, с десяток всего и осталось.

Хумэнь высокомерно вздернула подбородок. Рана на ее шее уже почти затянулась.

- Нас осталось четверо! Чтоб тебе, уроду, лопнуть!

- Только чтобы тебя порадовать, - хлопнул себя по пузу демон. - Давай, боль души моей, выкладывай все, что от тебя наша хозяйка услышать хочет, и разойдемся по-хорошему.

- А иначе?

– Сладенькая, я же запросто Ягине перескажу, как даже такой древней сущности, как ты, сделать максимально больно. Ну или...

Радар откашлялся и продолжил низким гортанным голосом:

– Их останется всего трое.

Девушка вздохнула:

– Спрашивайте, госпожа.

– Не обманет? – уточнила Яга у демона. – Как лучше вопросы формулировать?

– О, с ними весело, при всех талантах к перевоплощению и хитрости один маленький недостаток – не умеют при нас врать. Так что, если захочешь еще кого из их племени допросить, не забудь меня позвать для компании.

– Зачем ты ко мне пришла? – обернулась Варвара к пленнице.

– У тебя должен быть текст, который интересен моему хозяину.

– Верю. О твоём задании мы после поговорим. А теперь расскажи мне все, что ты знаешь о моей внучке. Как ты с ней познакомилась и зачем?

Хумэнь, глядя перед собой пустым взглядом, принялась излагать:

– Две луны тому объявилась твоя внучка в Стольном граде. Зигфрид фон Кляйнерманн при ней был, дылда белобрысая. Он-то меня тогда и интересовал. Я искала заклинания для активации големов и знала, что свитки у шваба. Приняв облик уличного мальчишки, я выжидала момент познакомиться с Кляйнерманном. Тут твоя Лутоня и подвернулась.

– Втереться в доверие – первейшая шпионская хитрость, – пьяно икнул демон из зазеркалья. – Ты, наверное, ей в чем-то помогла... Нет. Скорее, сделала так, чтоб она тебе услугу оказала.

Лиса с интересом посмотрела на демона:

– Ты прав – я пыталась спасти ее от валашского Дракона, а она меня – от своры вовкудлаков.

Варвара вскрикнула и зажала рот ладонью. К счастью, никто из присутствующих особого внимания на нее не обратил.

Хумэнь продолжала тем же ровным голосом:

– Я ранила и обыскала Зигфрида; полного текста заклинаний у него не оказалось, а допросить твою внучку не было никакой возможности – девица к тому времени уже была под защитой валахов. Ее провожатый меня учуял – пришлось скрыться.

– Боевая барышня-а-а! – глубоким баритоном пропел Радар.

Яге подумалось, что за сегодняшний день демон перебрал с кровью и допрос пора сворачивать, пока кое-кого окончательно не развезло.

– Ты знаешь, что дальше с Лутоней было?

– Тогда я ее упустила, слишком сосредоточившись на ее друзьях – Иване-дураке с дядюшкой Колобком. Они суетились, пытаюсь отыскать какие-то записи Кляйнерманна, и отвлекли меня от главного. Потом до меня дошла информация, что Лутоня с благословения Дракона отправилась в Заповедную пущу к единорогам.

– Она жива?

– Я не знаю, – пожала плечами лисица. – Только поговаривают, что валашский князь в Рутении цацкался с какой-то потерявшей память ведьмой.

– Ты понял? – торжествующе вскричала Яга. – Она не помнит своего имени! Поэтому и найти ее мы не можем!

– Есть идеи? – попытался сосредоточиться демон. – Что делать будем?

– Меня больше интересует, что делать с ней, – указала Яга на пленницу. – Не убивать же ее в самом деле...

Служба началась еще засветло. Певцы, облаченные в белые одежды, тоненькими голосами славили Трехликого, повернув головы к восточным воротам храма. Заходящее солнце окрашивало багрянцем развевающиеся полы плащей, маски под глубокими капюшонами сверкали.

Ганиэль прошел меж рядами певцов, подобно черному ворону в стае лебедей. Обычай требовал от Трисветлого будничных одеяний. Подойдя к воротам храма, Ив трижды постучал в них. Створки открылись с неторопливой торжественностью. Трое служителей, отделившись от стен, стали усыпать путь к храму бутонами белых роз. Ив шел уверенно, впечатывая в дорожную пыль хрупкие лепестки. Простой понятный символ – бренность всего сущего, быстротечность красоты, красота смерти. Легкую улыбку Трисветлого под маской рассмотреть было невозможно. Но она была – вещуну нравились обряды. Тридцать три неторопливых шага от ворот к внутренней двери, трижды три негромких постукивания по серебряным створкам. Пение не умолкало.

Трисветлый Ив вошел в храм. Здесь было темно. Уверенные руки освободили его от одежды. С легким шуршанием исчез плащ, нижнее облачение, исподнее платье. Помогая невидимым слугам разуть его, Ив сделал шаг вперед. Босые ноги ощутили гладкую прохладу мрамора. И тут вспыхнул свет. Яркий, белый, слепящий, он будто стекал с потолочного свода с неотвратимостью снежной лавины. Ганиэль, абсолютно обнаженный, стоял в центре зала. Он кожей чувствовал взгляды соратников, приближенных, допущенных в святая святых – в главный храм Трехликого бога. Пение смолкло. В напряженной тишине Ив пересек зал, приблизился к последним алтарным дверям, уверенно открыл их и вошел внутрь. Одновременно с последним разделяющим шагом он сорвал с лица серебряную маску и отбросил ее за спину. Захлопывая дверь, Ганиэль слышал, как звенит металл по мрамору пола.

– Ну наконец-то ты наигрался!

В хриплом старческом голосе слышалась дурашливая укоризна. Первый ценил хорошую шутку.

– Более благозвучных песнопений сочинить не могли? У нас головы разболелись этот писк с утра слушать. Скажи, Младший?

Из левого алтарного нефа ответил хорошо поставленный баритон:

– А мне нравится. Чистые такие голоса, будто девичьи. – За тонкой занавесью можно было рассмотреть только полыхающие желтым золотом глаза говорившего.

– Эх, молодежь... – протянул Первый. – Вот помню, в мире Дырявых лун у нас хор был – огромный, голов на шестьсот, туда только кастратов набирали. Вот это голоса были так голоса. Ты не помнишь, тебя еще с нами не было.

Ив слегка поежился.

– Оденься, Ганиэль, – заметив его дрожь, предложил Первый. – И присаживайся. Как у них здесь говорят? В ногах правды нет.

– Это рутенская поговорка, – уточнил Младший. – Ну, может, еще в парочке близлежащих княжеств такое изречь могут. В этом мире просто невероятное многообразие культур. Сотни народов, тысячи языков, десятки богов. Сложный мир, но интересный.

– Вот потому порядка и нет...

К диалогу, неожиданно перешедшему на обсуждение преимуществ монотеизма и единообразия, Ив не стал прислушиваться. За годы служения своему богу он участвовал в философских беседах ликов множество раз. Он порылся в сундуке, стоящем у дальней от нефов стены, и извлек из него тонкий шерстяной плед, в который с удовольствием завернулся. Мебели в жилище бога предусмотрено не было, поэтому вещун уселся на пол, свернул ноги калачиком и расслабил мышцы. Как обычно, в присутствии божества воздух искрился, силовые вихри, сталкиваясь между собой, порождали крошечные стихийные возмущения.

– Где Второй? – спросил Ганиэль, наконец обратив внимание на одну из пустующих ниш.

Невидимые лики как будто переглянулись:

– Спит, наверное... А тебе зачем?

Вещун пожал плечами. Пожалуй, если бы не предусмотренный обычаем ежегодный обряд, он и не подумал бы навещать своего бога. Иногда он завидовал жрецам других религий, которые никогда не видели объектов поклонения лицом к лицу, которые могли идеализировать или, напротив, демонизировать их. У него не было возможности для фантазий, потому что вот он – его бог, все три светлых лика – в нишах, скрытых полупрозрачной кисеей, и тяжелый мускусный, почти звериный запах, витающий в воздухе. Ганиэль не любил своего бога и никогда от себя этого чувства не скрывал.

– Какие новости в миру? – вежливо зевнул Первый. – Не собираются ли верующие возлагать на мой алтарь живых или мертвых девственниц? Удастся ли в этом году урожай яблок и хорошо ли раскормлены жертвенные бараны, которые, как ты понимаешь, в гастрономическом смысле гораздо интереснее девственниц?

– Этот мир умирает. Меньше чем за три поколения мы умудрились его истощить.

– А помнишь, как здорово здесь было, когда мы пришли? Магия просто укрывала землю.

– Ее было даже слишком много, – поддержал Младший. – Еще у них такие лошади забавные в лесах водились – двуликие, с рожками...

– Ты все путаешь. Это была какая-то радужная юдоль – лакуна в реальности.

– Теперь она тоже часть этого мира, – прервал Ив зарождающийся спор. – Юный Дракон расширяет свои территории.

– Славный мальчик. – Первый опять зевнул. – Я помню, отец его все убивался, что колдунов в роду не рождается... Кстати, Ганиэль, ты уже придумал, как и куда мы будем уходить? Не хотелось бы дожидаться здесь конца.

– Какая разница куда? – перебил Младший. – Мало ли миров в обитаемой вселенной? Если бы Второй не разбил при переходе яйцо...

– Поосторожней со словами. – Яркая вспышка отметила прибытие нового лика. – Я же тоже могу многое тебе припомнить.

– Настолько же глобальное, как повреждение единственного артефакта, позволяющего нам путешествовать между мирами?

– Как же мне надоело слушать ваши препирательства!

Ив, поднимаясь, поклонился:

– Мне, пожалуй, пора. Я сообщу адептам, что беседа с богом прошла удачно.

– Ну иди-иди, – проворчал Первый, остальные были слишком увлечены спором. – Поиграй своими куклами.

Ив плотнее запахнул на груди плед и пошел к выходу.

– Ты найдешь артефакт? – догнал его вопрос Младшего.

– Я работаю над этим, – не оборачиваясь, ответил вещун. – Скоро мы сможем покинуть этот умирающий мир.

Глава 1

Об охоте, силе ветра и законах гостеприимства

Гость первый день – золото,

на второй – олово,

а на третий – медь,

хоть домой едь.

Суровая народная мудрость

Первый удар в драке, если он не твой, – это всегда невзначайка. И умом-то понимаешь, что бить тебя будут, скорее всего, по лицу. А все равно – возможны варианты. Соперник может попытаться расквасить тебе нос. Тогда удар будет прямым, и, если не увернешься, через мгновение почувствуешь во рту соленый вкус своей крови. Еще бывает, пытается противник первым выпадом тебе скулу своротить. Это уже посерьезней, если прилетит эдакий крученный удар – свет меркнет. А еще бывает... Да по-разному бывает. Но ежели ты эту первую затрещину не выдюжишь – испугаешься или ослабнешь, – бить будут до тех пор, пока не сломаешься, не почувствуешь себя жертвой. А вот чтоб в пострадальцах по жизни не остаться, есть только два пути: либо бить в ответ, либо избегать удара. Я предпочитаю уворачиваться.

Мужик неловко перебросил кнут, сомкнул пальцы на рукоятке с такой силой, что костяшки побелели, и оскалился, шаря по моему телу оценивающим взглядом. Я вжалась спиной в землю. Стекающий пот оставлял на лице молодчика блестящие дорожки, грудь колыхалась в такт тяжелому дыханию. Рука взметнулась для очередного удара. Правая рука! Я подобралась. Широкий обманный замах, свист фولا над головой... и в лицо мне летит окованный железом носок сапога. Я откатываюсь в сторону и вскакиваю на ноги. Полудурок! Он же сам хвастался, что левша!

Дальше просто. Уцепиться рукой поближе к рукояти, дернуть изо всех сил и заехать свинцовым утяжелителем в коленную чашечку противника. Хех!

– Сегодня уже получше, – прокричала от крыльца Дарина, отвлекаясь от перебирания прошлогодней кукурузы. – Пригласи гостя в дом с нами отобедать.

Я отбросила в сторону кнут и горделиво осмотрелась. Гость тоненько скулил, свернувшись калачиком в жирной весенней грязи.

– Поднимайся, – проговорила я неприветливо. – Нечего тут балаган устраивать. Я тебя вскользь ударила. А ты вопишь, будто вот-вот кишки наружу полезут.

Он еще пару раз всхлипнул, выдувая из носа кровавые пузыри, и медленно встал.

– Так, может, прибавите мне за увечья?

– Договор на кулачный бой был, – возразила я. – А ты хлыст с пояса дернул да еще кованым сапогом мне зубы повышибать хотел.

– Так это не со зла, – жирдяй умильно захлопал глазками, – просто нога так повернулась.

Ага! Так я ему и поверила. Мне этот мужик сразу не понравился, только он у калитки появился. Была бы моя воля, я его и во двор-то не пустила бы. Это все Дарина. «Здоровый какой! Для тренировки самое то...» Еще и денег ему предложила. Тьфу, транжира! Хотя чего это я чужие богатства считать намылилась? Сестрица моя – дева состоятельная, хорошего боярского рода. А то, что жить предпочитает в лесу на отшибе... Так мне самой в Араде не по себе. Шум, гам, народу не протолкнуться, домна Димитру со своими придирками... Нет уж, здесь у нас поспокойнее. Вот только на исходе снегогона повстречалась моя сестрица с залетными обловщиками, да так покалечилась, что занятия наши отложить пришлось. Арадская травница Иляна говорит, до весны теперь поберечься надобно. Горе-охотников, конечно, изловили и наказали примерно, да только Дарине от того не легче, а уж мне и подавно. Мы же как раз защиту от ударов в голову отрабатывали. У меня только-только получаться стало...

Я улыбнулась, вспомнив, как опешила в тот день, когда сестрица велела мне мужские порты нацепить да на двор выйти.

– Ты понимаешь, что в нашем мире женщина – существо бесправное? – строго спросила она, заправляя за ворот душегрейки тугую русую косу.

Я только поежилась в ответ, пританцовывая на рыхлом снегу босыми ногами.

– Мы слабее мужчин, – развивала свою мысль волчица. – У нас тоньше кости, меньше мышц. Но дело даже не в этом. Нас учили быть мягкими на протяжении поколений. Мягкими, покладистыми, безответными. Те из нас, кто ломал заостеневшие традиции, вошли в историю. Что им в этом помогало?

– Колдовство? – выдавила я, стуча зубами. – Волшбе-то без разницы, у кого кулак крепче.

Волчица на мгновение задумалась, потом кивнула:

– Только нам с тобой на магию рассчитывать не придется.

– А на что тогда полагаться? – недоуменно спросила я.

– На силу духа.

И мы приступили к тренировкам...

А ведь мне посейчас невдомек, за какие такие заслуги приблизила меня к себе благородная домна Мареш, за какие такие таланты пригрела. Ведь кто я? Приблуда без роду-племени, найденная Дарининым родичем в лесу во время охоты. Сестрица названная говорит, что учуяла она на мне следы сильной волшбы, что не просто так я память-то потеряла – поработал надо мной неизвестный колдун. Подшутил да бросил... Вот и учит меня Дарина теперь до седьмого пота, до изнеможения, до черных мушек перед глазами. Потому что нельзя всю жизнь быть жертвой. Нельзя!

– Договорились? – Меня грубо выдернули из воспоминаний. – Благородная фата надбавит за труды?

Я отсыпала в загребущую руку горсть медяков из своего поясного мешочка.

– Тебя-то кто к нам на заимку направил? – с запозданием решила я расспросить своего соперника.

– Домна Димитру велела. Говорит, сходи, Антон, до невестки, подсоби одиноким женщинам.

Ага, понятно... Управительница арадская заботу о родственниках проявляет. Если по-честному, то Дарина ей и не невестка вовсе, а сестра невесткина. Так, не пришей кобыле хвост по нашим меркам. У домны Димитру сын есть, справный да ловкий, вот он-то и был женат на Дарининой сестре. Люди сказывают, красавица была писаная, Вайорика звали. На нашем валашском наречии так называется бледный луговой цветок. Да только не заладилась у нее семейная жизнь с самого начала. Всего-то пару седмиц молодые после свадьбы

помиловались. Михай на войну ушел, а женка его закручинилась и померла в одночасье. Никто и не уследил как...

- ...говорит, у трех сосен направо повернешь, чуток поплутаешь, в тисовый забор и упрешься...

Я затрясла головой, пытаюсь поймать ниточку разговора. Пришлый Антон тархтел не переставая. Голос его, низкий, рокочущий, накатывал волнами, забивая уши почище озерной воды.

- Ну так передай достопочтенной, что все исполнил в точности, - махнула я рукой в сторону леса.

- Чего я исполнил? - Недогадливый увалень еще на пару шагов приблизился к дому.

Я решительно заступила дорогу наглецу:

- Ну в забор уперся, одиноким женщинам помог. Так домне Димитру и передай.

Вишь, еще не хватало разных пришлых обедами выкармливать. Антон наморщил лоб и почесал в затылке. Короткий ежик волос говорил о том, что перекидывался он совсем недавно. А интересно, в волчьем обличье он такой же огромный? И тут до меня наконец дошло, почему гость сразу показался мне подозрительным.

- Ты калека, что ли? - сразу приступила я к делу.

Мужик обиженно засопел:

- Вот еще...

- А чего тогда дома отъедаешься, когда остальные воют?

Мужик обиделся еще больше:

– Я единственный сын. Один у мамки родился. Мамка-то и рада была бы еще кого родить...

Тогда понятно. Кормильца из семьи наш gospodarь не забирает. Закон такой есть. Сто четырнадцатый вроде. Сразу после запрета человечину жрать, если я ничего не путаю. А чего, правильное уложение. Старики сказывают, в ранние времена вообще вседозволенность была – боярские роды перегрызлись промеж собой, чужаков у границ феодалов убивали, сами ослабли, соседей озлобили. Вот и пришлось господаря со стороны звать, чтоб сплотил, вразумил, уберег. С тех пор нами романы и правят. Только не простые. Простому в наших краях делать нечего. А самые сильные тамошние колдуны.

– ...посмотреть бы...

Голос Антона раздавался уже за моей спиной. Ну надо же. Пока я тут думаю, да не заурядные, а самые что ни на есть государственные, он меня обойти решился! Я ринулась вдогонку.

На крыльце мы оказались почти одновременно. Я дернула на себя дверь, пытаюсь войти первой. Приставала оттер меня богатырским плечом и сам ввалился в горницу. С-с-собака!

Дарина потянула носом и громко чихнула:

– Гость в дом – радость в дом.

Антон поклонился от порога и степенно уселся за стол напротив хозяйки. А мне чего оставалось делать? Тоже уместилась. Да еще плошку с брынзой поближе пододвинула, чтоб мне больше досталось. Сестрица, еще раз чихнув, протянула гостю деревянный нож. Уважение, стало быть, оказала. Ну да, как же двум слабым женщинам эдакого помощника не уважить. Тот ловко накромял золотистую мамалыгу, и мы приступили к трапезе.

Дарина поглядывала на меня исподлобья, пряча усмешку. Кажется, ее забавляла моя лютая ненависть к незваному гостю. А гость между тем, тщательно облистав ложку, откинулся на лавке:

– А благородная фата здорово меня отметелила.

И в голосе его не было ни капельки обиды или злости. Мне подумалось, что неплохой он, в сущности, мужик, этот Антон. Одно досаждаёт – разговорчивый уж больно.

– Я, главное, смотрю – фитюлька, ростом с палец, ещё и аккуратненько поначалу размахивался, чтоб, значит, не пришибить ненароком. А она как бросится, как зарычит...

Усмешка растягивала мой рот до ушей. Это я сама придумала – так соперников запугивать. А то какой из меня боец супротив вовкудлака? Я ведь даже как перекидываться позабыла. Значит, приходится наглостью наверстывать – наглостью да свирепостью картинной. Помнится, листала я как-то в замке книжку с картинками. (Домна Димитру, хоть сама и не особо к чтению благоволит, господареву библиотеку содержит в порядке. Я только ради этого у них в Араде и обретаюсь время от времени.) И вычитала я в том фолианте про заморских воинов, кои перед боем себя в неистовство приводят. Ну типа ярятся – пена изо рта, пустой взгляд, бешеное рычание. Вот и пытаюсь нечто похожее изобразить, с поправкой на свою не очень представительную комплекцию.

– И постелите мне туточки в горнице, а то ночи ещё прохладные, в сенях-то спать.

Я поперхнулась, а Дарина удивленно изогнула брови:

– Ты на ночь остаться собрался?

– Угу. – Мужик по-хозяйски обводил взглядом наше жилище – плетеные половички на дощатом полу, ситцевые занавески, богато разукрашенную печь. – Жить я у вас буду.

Несколько минут моя сестрица сверлила гостя взглядом.

– Ленута, ты уже позавтракала? – обратилась она ко мне, когда поняла, что детинушке от ее взоров пылающих ни тепло ни холодно.

Я кивнула чуть с опозданием. Никак к новому имени не привыкну. И вроде красивое прозвание – Ленута – луна, а все равно чего-то не клеится оно ко мне.

– Тогда беги угодья. Может, кролик какой в силках запутался, очень на обед мясца захотелось.

При слове «мясцо» Антон сделал стойку. Видно, и он не прочь тушенины навернуть. И обеда ему, судя по всему, для этого ожидать необязательно. Я потуже затянула пояс, подцепив нож, без которого в лес соваться – себя не беречь. Хороший у меня нож – справный, с изогнутой спинкой и удобной костяной рукоятью. Не какой-то там кухонный ножичек, а самый что ни есть охотничий. Вообще-то такое оружие за голенищем сапога носить положено. Да я уж и забыла, когда в последний раз сапоги надевала – босиком в лесу не в пример сподручнее.

Антон внимательно наблюдал за моими сборами. Надеюсь, что, когда я с добычей вернусь, пришлого уже и след простынет. Дарина – женщина суровая. Выставит незванчика в два счета.

Ну, если начистоту, я не сразу ушла. Плотно прикрыла двери, пошебуршала в сенях, очень натурально уронила питной ковшик, ругнулась вполголоса. Все это время в горнице напряженно молчали. Я приложила ухо к двери.

– Ленута! Не подслушивай! – рявкнула раздраженно сестрица. – Твое сопение небось в Араде слышно.

Вот ведь волчица... Я поплелась исполнять задание.

Весенний лес – это отдельная история, история начала жизни. Он напоминает мне мелкую конопатую подлетку, которая в предчувствии близкого расцвета примеряет на себя материны наряды. Вот среди бурых ветвей мелькает рыжий хвост белки, вот пробиваются к свету остренькие головки цветов, вот неожиданно в лицо пахнуло свежим ароматом молодой хвои... Хорошо мне в лесу, спокойно.

Только в этот раз моего спокойствия хватило ненадолго. Все наши с Дариной ловушки были пусты. Силки, растяжки, переложенные дерном ямки – все. Как будто я сегодня уже здесь ходила, засовывая добычу в наплечную суму. Я шла от метки к метке, убыстряя ход. Все, последняя, самая дальняя от заимки, дальше мне сестрица ходить запрещает. Здесь, у расколотого молнией дуба, кончаются владения домны Мареш. А с соседями я не знакома вовсе. Дарина говорит, оно и к лучшему. Я опустилась на землю около срезанной волосяной петли, которая еще вчера была справным охотничьим силком, и задумалась.

Возвращаться с пустыми руками не хотелось. Это ведь самое простое – Дарине пожаловаться. Она меня, убогую, пожалеет, перекинется и побежит вынюхивать, какой такой негодник посмел сестрицу названую обидеть. И найдет, и накажет примерно, и отберет украденное, и даже сверх того. Эх, если бы не потеряла я волчьих повадок, в два счета с обидчиком сама бы разобралась. Мне стало так обидно от своей беспомощности, что слезы навернулись на глаза. Я шмыгнула носом, сморгнула... На мгновение мне показалось, что перед самым моим лицом полощется на ветру невесомая ниточка паутины. Взглянула прямо – нет ничего. Точно, показалось. Хотя... Я снова прищурилась – теперь нарочно. Обида прошла, в груди разгорался какой-то волчий азарт. Так... Смотреть надо не прямо, а будто бы насквозь, будто пытаешься ты разглядеть что-то за мутной пленкой бычьего пузыря, которым затягивают окна в бедных деревенских избушках. Я затаила дыхание. Вот она! В верхке от моего носа струилась серебристая полупрозрачная нить. И ни капельки это чудо не походило на паучьи плетения – скорее на застывший хоровод стеклянных снежинок, таких тоненьких, что игольчатое кружево лишь угадывалось. Я осторожно, чтоб не спугнуть, прикоснулась пальцем. Нить прилипла к коже, змейкой поползла к запястью, захлестывая петлей. Я боролась с желанием заорать и не отводила взгляда. Что-то мне подсказывало, что, если в этот раз я не выдержу, не пройду испытание, следующего может и не быть. Между тем нить пару раз дернулась, будто проверяя наши узы на прочность, и взмыла вверх. Я послушно встала, нить продолжала тянуть, заставляя поднять руку над головой. В лицо мне ударил порыв соленого ветра. Я широким жестом воздела обе руки. Ветер гудел в вершинах деревьев, играл снежными сугробами в далеких северных краях, пересыпал песчинки в барханах южных степей, куролесил в океане, вздымая огромные волны... Он был очень занят, но оторвался на минуточку, чтоб поздороваться. «Ха-а-а-а, – сказал он, – ша-а-а-ау-у-у-у-у...»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Потвора – чудовище, чудище, кикимора (укр.).

2

Эмбахада – посольство (немного искаженное португальское слово).

Купить: https://tellnovel.com/korostyshevskaya_tat-yana/nevesta-kascheya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)